

© 1997 г.

В.Г. ГАК

ТИПОЛОГИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ ГЛАГОЛА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

(Иррадиация и конкатенация)

Более ста лет тому назад французский лингвист А. Дарместетер (1844–1888) сформулировал две основных закономерности развития лексической многозначности, которым он дал название "излучение" (*rayonnement*, от франц. слова *rayon* "луч") и "сцепление" (*enchaînement*, от *chaîne* "цепь") [Darmesteter. s/a: 133–135]. В первом случае производные значения слова формируются независимо друг от друга, образуя как бы веер или лучи солнечного диска. Любопытно, что разъясняя свою теорию, Дарместетер использовал приемы, весьма близкие к современному семическому анализу. Так, объяснял он, предмет *Aa*, обозначаемый словом *N*, имеет среди прочих качеств некоторую черту *a*. Слово *N* может применяться для обозначения предметов, *B, C, D, E, F, G* благодаря тому, что все они обладают тем же признаком *a* (*Ba, Ca, Da, Ea, Fa, Ga*). В качестве примера он приводил слово *racine* "корень", в котором от первичного значения "корень растения" образуются производные: "корень слова", "корень зла", "корень из числа". "Излучение" может иметь и другую форму, когда в переносных значениях слова актуализируются разные признаки исходного объекта. Слово *N* обозначает предмет *A*, которому свойствен ряд признаков (*Aabc*), каждый из которых может стать основой для использования данного слова для обозначения других предметов: *Ba, Ca, Da, Eb, Fc, Gc*. Так, французское слово *queue* "хвост животного" на основании разных признаков приобретает значения "бильярдный кий", "очередь" (по форме), "окончание партии" (заклительная часть).

При "сцеплении" слово переходит на другой объект благодаря общему признаку этих объектов, затем этот признак забывается и третье значение образуется от второго благодаря общности иного признака у второго и третьего объектов. Сцепление может быть представлено схемой: $N = Aa \rightarrow aBb \rightarrow bCc \rightarrow cDe \rightarrow dEe \rightarrow eF$. Дарместетер иллюстрирует этот процесс историей слова *mouchoir*. Первоначально оно обозначало носовой платок – предмет, посредством которого сморкаются (от *se moucher* "сморкаться" (< лат. *missus* "сопли", с помощью суффикса *-oir* [< лат. *-orium*], обозначающего орудие действия). Затем признак предмета – его назначение – был забыт; исходя из признака самого платка (он сделан из ткани) слово *mouchoir* стало обозначать кусок ткани, например *mouchoir de cou* "шейный платок", "косынка", обычно треугольной формы. На базе нового значения и нового признака "треугольная форма" возникло новое значение – "кница" – деталь треугольной формы в корабельном деле. Никакой непосредственной связи между "кницей" и "сморкаться" нет. Часто излучение и сцепление сочетаются, образуя сложные формы развития и соотношения языковых фактов.

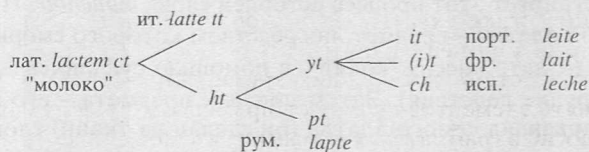
Может быть сам того не сознавая, Дарместетер обратил внимание на две универсальных закономерности развития всего сущего, на два базовых типа связи между явлениями, выступающих особенно очевидно, когда явлений больше, чем два. Понятия излучения и сцепления, правда выражаемые "более научными", латинизиро-

ванными терминами "иррадиация" (< лат. *radius* "луч") и "конкатенация" (< лат. *catena* "цепь"), используются в современной семасиологии, в теории словообразования. Они являются также двумя основными принципами построения текста. Можно обнаружить эти две базовые структуры и в истории языка, в языковой типологии, при сопоставлении языков, как формы связи между языковыми фактами.

Иррадиация и конкатенация выступают как две универсальных формы развития, поскольку они связаны с двумя основными координатами бытия: пространством и временем. Иррадиация отражает в большей степени пространственную координату: происходящие в этом случае изменения могут осуществляться одновременно. Конкатенация согласуется с координатой времени: в одном и том же месте последующее изменение не может осуществиться ранее предыдущего.

При радиации, как отмечалось, один и тот же импульс или разные импульсы, исходящие из одного и того же центра, приводят к разным реализациям. При конкатенации нередко образуется последовательность, когда разные формы предстают как последовательные этапы реализации одной и той же тенденции. В данном случае неравномерность развития аналогичных элементов позволяет обращать пространственное соседство в последовательность во времени и тем самым определять направление этого развития, обнаруживать переходные формы. Здесь применим прием, который в теории исторического исследования называют "генетическим оборачиванием" [Грушин 1961: 109].

В истории романских языков некоторые фонетические процессы дают пример иррадиации. Такова судьба латинского сочетания согласных *-ct-* (*noctem* "ночь", *factum* "факт"), которое дало в итальянском языке *-tt-* (*notte, fatto*), в румынском *-pt* (*noapte, fapt*), в испанском *-ch-* (*noche, hecho*), в португальском *-it-* (*noite, feito*), во французском *-it* при возможном слиянии *i* с предыдущим гласным (*nuit, fait*). Здесь проявились различные факторы: ассимиляция *ct > tt* в итальянском, фрикативизация *ct > ht* в других случаях. Сочетание *ht* не сохранилось ни в одном литературном романском языке, но наблюдалось в умбском (*rehte* вместо лат. *recte* "прямо"). Затем имела место вторая иррадиация: *ht > (ft) > pt* в румынском и *ht > yt* в западнороманских языках. Далее наступил черед третьей иррадиации (*yt*): сохранение *y* в португальском, его превращение в *i* или слияние в дифтонг с последующей монофтонгизацией во французском (*ai > [e]*), либо его слияние с последующей согласной *t* и формирование аффрикаты *ch* [tʃ] в испанском [Бурсье 1952: 153]. В некоторых романских языках эволюция латинского *-ct-* предстает в виде конкатенации, например в испанском: *ct-ht-yt-ch* [tʃ]. Отдельные предшествующие формы (*yt*) сохранились в северных испанских диалектах или в других родственных языках (например, в португальском). В целом, в данном случае многоступенчатая иррадиация сочетается с конкатенацией:

Пример "чистой" конкатенации дает развитие интервокальных согласных в романских языках. Латинский глухой согласный *-t-* (*vita* "жизнь") сохранился в итальянском (*vita*), подвергся озвончению и одновременно фрикативизации в испанском (*vida*) и выпал во французском (*vie*). Эти три факта представляют собой три этапа развития звука: *t > d > φ*; каждый язык отражает один из этапов общего направления эволюции. Это действительно так: в раннем старофранцузском интервокальные *t* и *d* звучали [d], как в современном испанском, тогда как *-d-* в современной испанской разговорной речи может исчезать, как это произошло в свое время во французском языке. Таким образом, один из языков может показывать, что было в

прошлом у другого, или, наоборот, предсказывать, что может ожидать в другом языке.

В известном исследовании Р.А. Будагова о лексике романских языков приводится немало примеров неравномерного смыслового развития этимологически тождественных слов в родственных языках, так что, как пишет автор, "в некоторых языках слово сохраняет такое значение, которое для других является уже пройденным этапом или удерживается лишь как пережиток прошлого" [Будагов 1963: 224]. Вот один из приводимых примеров. Лат. *captivus* "пойманный; взятый в плен" приобрело на романской почве значение "несчастный, жалкий", которое реализуется двояко: "болезненный, слабый" (по отношению к живым существам) и "плохой, скверный". На базе последнего значения возникло дальнейшее: "злой". Элементы этой семантической конкатенации так представлены в крупнейших романских языках:

Язык		Ступени семантической эволюции			
		'пленный' →	'слабый' →	'скверный' →	'злой'
лат.	<i>captivus</i>	+			
исп.	<i>cautivo</i>	+	(уст.)		
франц.	<i>chétif</i>		+	+	
итал.	<i>cattivo</i>			+	+

Мы видим, что испанское слово осталось на начальном этапе семантической эволюции слова, французское занимает среднюю позицию, тогда как итальянское продвинулось дальше всего. Учет неравномерности семантического развития полезен и в практическом отношении, т.к. она может порождать "ложных друзей семасиолога": франц. *un enfant chétif* значит "хилый, болезненный ребенок", тогда как итал. *un cattivo ragazzo* обозначают капризного, непослушного ребенка. В фонетических или семантических сдвигах, отмечаемых в конкретных случаях, могут отражаться более общие закономерности, обнаруживаемые и в других языках. Так, упоминавшийся выше переход *kt > ht* наблюдается в других языках и диалектах, например, в русском просторечии: *доктор > дохтър*. Семантическое развитие итальянского *cattivo* "плохой > злой") повторяется во франц. *mauvais* и в исп. *malo*.

Обе рассматриваемые формы соотношения – иррадиация и конкатенация – обнаруживаются и при сопоставлении неродственных языков (или при сопоставлении родственных вне задач выявления генетической общности). Например, русская временная система глагола характеризуется одной различительной чертой (вне категории вида): абсолютным временем. Английский язык добавляет еще одну оппозицию: относительное время. Немецкий язык – третью: актуальность/неактуальность действия в прошлом; испанский – четвертую: линейное/точечное время в прошлом; французский – пятую: временной интервал (более близкий или отдаленный момент действия). Последний язык охватывает все оппозиции, представленные в четырех предыдущих, добавляя к ним еще одну.

В свою очередь, система прошедших времен индикатива в западнороманских языках содержит пять элементов (даем их в примерных русских наименованиях ввиду разноречия терминологий в грамматиках романских языков):

Простые формы	Сложные формы
[Презенс]	Перфект
Претерит (= аорист)	Предшествующий претерит
Имперфект	Плюсквамперфект

Это – максимальная система прошедших времен в индоевропейских языках Европы. Следует заметить, однако, что предшествующий претерит (типа франц. *il eut fait*) малоупотребителен. Он отсутствует в болгарском (как и в старославянском), где система прошедших времен индикатива состоит из четырех элементов. В разговорном

французском языке, как и в немецком, – три формы прошедшего времени: перфект; имперфект (во французском) или претерит (в немецком), от которых соответственно образуется плюсквамперфект. В западославянских языках – только две формы прошедшего времени (не считая вида): перфект и плюсквамперфект (почти вышедший из употребления). И наконец, в восточнославянских – только одна форма. Таким образом, формируется единая линия развития претеритальной системы индикатива – "от Атлантики до Урала" – с последовательным уменьшением форм, причем каждая новая система выступает как бы изменением предыдущей, осуществляемым в одном и том же направлении. Устранение формы свидетельствует об отказе от определенной различительной черты, от определенной субкатегории в системе прошедших времен. Пятичленная система романских языков включает три оппозиции: относительное время (перфект, имперфект ↔ плюсквамперфект; претерит ↔ предшествующий претерит); актуальность (перфект ↔ претерит); длительность (имперфект ↔ перфект, претерит). Отсутствие предшествующего претерита не внесло изменений во внутреннюю организацию системы, так как субкатегория относительного времени поддерживается оппозицией имперфект ↔ плюсквамперфект. Но уже переход к трехчленной системе связан с отпадением определенной оппозиции. Во французском разговорном языке это актуальность ↔ неактуальность действия в прошлом для момента речи. В немецком отсутствует различие длительности ↔ точечности действия. В двухчленной системе остается только оппозиция относительного времени. И, наконец, в русском языке, при наличии только одной временной формы, (вид не принимается здесь во внимание) внутренних оппозиций в сфере прошедшего времени, естественно, быть не может.

Ниже будут рассмотрены аналитические формы глагола в современных славянских языках в плане выявления между ними отношений конкатенации и иррадиации.

*

А. Мейе неоднократно отмечал, что славянские языки среди индоевропейских "сохраняют архаичный облик", имеют "своеобразно архаичный вид" [Мейе 1938: 104; 423]. В историко-социологическом аспекте он объяснял это тем, что славянские диалекты были затронуты средиземноморской культурой сравнительно поздно. Однако в том, что касается глагольной системы, Мейе принимал во внимание почти исключительно лишь синтетические глагольные формы, изучая три основных морфологических средства выражения: фонетическое чередование, ударение и флексии. Но даже в этой области он допускал одновременно "консервативный" и "революционный" характер славянских языков, которые внесли определенные модификации в индоевропейскую синтетическую морфологию.

Новаторство славянских языков оказывается еще более очевидным, если рассматривать глагольную систему в ее целостности, учитывая в большей степени аналитические формы, которые во многих случаях вытеснили синтетические формы глагола. При таком подходе обнаруживается, что исходная временная система славянского глагола имеет большое сходство с современной системой времен в романских языках, например, и что изменения, затронувшие в ходе эволюции эту систему в славянских языках, порой более значительны и радикальны, чем те, которые имели место в других европейских языках.

Параллелизм временных форм индикатива древних славянских и современных романских языков поразителен. В обоих случаях обнаруживаются одинаковые категории со сходными средствами выражения. В качестве примера возьмем древнерусский, который сохраняет еще полностью систему, аналогичную той, что была в старославянском языке, и современный французский.

	Древнерусский	Современный французский	
Настоящее	<i>веду</i>	Présent	<i>je vais</i>
Перфект	<i>есмь велъ</i>	Passé composé	<i>je suis allé</i>
Имперфект	<i>ведяхъ</i>	Imparfait	<i>j'allais</i>
Давнопрошедшее	<i>бяхъ велъ</i>	Plus-que-parfait	<i>j'étais allé</i>
Аорист	<i>ведохъ</i>	Passé simple	<i>j'allai</i>
—		Passé antérieur	<i>je fus allé</i>
Будущее	<i>иму (буду) весту</i>	Futur	<i>j'irai</i>
Предбудущее	<i>буду велъ</i>	Futur antérieur	<i>je serai allé</i>

В древнерусском языке недостает только "сложного аориста", формы, параллельной французскому Passé antérieur. Но это, как отмечалось выше, наименее употребительная форма среди всех времен индикатива в романских языках. Кроме того, сочетание аориста вспомогательного глагола и причастия дало в славянских языках условное наклонение. Принципы образования сложных форм сопоставимы в двух языках (причастие и вспомогательный глагол для прошедших времен, инфинитив и вспомогательный глагол — для будущего). Сходны значения и сферы употребления сопоставляемых временных форм. В пределах общей формулы образования сложных слов имеются и различия, например, различная употребительность вспомогательных глаголов "быть" и "иметь"; аналитическое по происхождению условное наклонение строится в славянских языках с причастием, в романских — с инфинитивом, причем в качестве вспомогательного элемента в славянских языках используется аорист вспомогательного глагола, тогда как в романских — имперфект, но возможен и аорист (в итальянском литературном языке). Таким образом, использование формулы "аорист вспомогательного глагола + неличная форма основного глагола" для выражения кондиционалиса обнаруживается как в славянских, так и в романских языках. С формальной стороны следует отметить большую универбацию аналитических форм будущего времени и кондиционала в романских языках и их большую универбацию в перфекте в славянских (например, в польском языке).

Романские языки в целом сохранили основное ядро индикатива, хотя, разумеется, имели место внутренние сдвиги в употреблении форм (например, семантическая перестройка соотношения перфекта и претерита во французском языке), а также добавление новых аналитических образований, например, ближайших времен во французском языке, конструкции *estar* + *gerundio* в испанском и др.

Но если эта система в общем сохранилась в течение тысячи лет в западнороманских языках, то в славянских она подверглась значительным изменениям и в настоящее время выглядит следующим образом:

	Бол.	Мак.	С.-Х.	Слн.	Луж.	Пл.	Чеш.	Слц.	Укр.	Бел.	Рус.
Настоящее	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Перфект	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Имперфект	+	+	+		(+)						
Давнопрош.	+	+	+	+	+	+	+	+	+		
Аорист	+	+	+		(+)						
Будущее	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Предбуд.	+	+	+								

Некоторые из отмеченных форм, теоретически возможные, используются редко или совсем выходят из употребления.

Среди славянских языков только три в настоящее время сохранили все семь времен (болгарский, македонский, сербскохорватский), хотя изменилась форма выражения некоторых временных категорий (например, будущего времени). Серболужицкий, утративший предбудущее, имеет шесть форм, причем имперфект и аорист в нем

совпадают в единой по значению форме претерита. Прочие западнославянские языки, словенский (из южнославянской группы) и украинский (восточнославянская группа) имеют только четыре временные формы: настоящее, прошедшее, давнопрошедшее и будущее. Правда, в польском, чешском, украинском (равно как и в сербскохорватском) давнопрошедшее время малоупотребительно и имеет тенденцию к исчезновению. Наконец, в двух восточнославянских языках: белорусском и русском имеются только три глагольных формы времени: настоящее, прошедшее и будущее (а также некоторые переосмысленные следы давнопрошедшего). В целом, можно сказать, что временная система индикатива в славянских языках упрощалась, следуя направлению: южнославянские языки → западнославянские → восточнославянские, так что, вопреки замечанию Мейе, именно наиболее близкие к Средиземноморью языки проявили в данном случае наибольшую "консервативность" (значительно преобразуя, однако, языковую систему в других ее звеньях), тогда как наиболее удаленные от этой зоны языки оказались более "революционными", и более всего русский – самый восточный из индоевропейских языков в Европе. Разумеется, изменение форм шло параллельно с семантическими изменениями, например, сохранение из четырех форм прошедшего времени (перфект, имперфект, аорист, плюсквамперфект) только одной (перфекта) свидетельствует о том, что оппозиции, лежавшие в древней системе глагола, отпали, и перфект (в двух видах) взял на себя выражение значений, передававшихся в прошлом различными временными формами.

В области образования сложных временных форм славянские языки, следуя тем же фундаментальным принципам, что и другие европейские языки, показывают большое разнообразие приемов и форм, что позволяет разработать типологию аналитических глагольных форм в этих языках. Мы рассмотрим эту типологию на примере перфекта и будущего времени.

Перфект. Структура сложного перфекта во всех языках мира организуется согласно всеобщему принципу, который подвергается, однако, различным модификациям в разных языках. Форма сложного перфекта состоит из вспомогательного глагола (*быть* или *иметь*) в настоящем времени и причастия спрягаемого глагола. Более редко вместо причастия используются иные формы, например, в баскском – локальный падеж отглагольного имени (*я приходил к тебе* = *я в приходе к тебе был* [Шишмарев 1941: 39]). Вот схема способов образования перфекта:

Языки (примеры)	Компоненты формы перфекта				
	вспомогат. глагол		основная часть		
	<i>быть</i>	<i>иметь</i>	причастие прош. вр.		другие формы
			соглас.	несогл.	
славянские	+	–	+	–	–
немецкий	+	+	–	–	–
французский	+	+	+	+	–
английский	–	+	–	–	–

Таблица показывает основные способы образования перфекта. Согласование причастия имеет место при вспомогательном глаголе *быть* (но не всегда, ср. немецкий язык), хотя в определенных позициях возможно согласование и при глаголе "иметь" (во французском языке). Современные славянские языки по преимуществу прибегают к вспомогательному "быть" и согласованию причастия с субъектом в роде и числе; однако, например, в македонском отмечается форма *имам видено* "я видел" (глагол "иметь" + неизменяемое пассивное причастие в среднем роде). Аналогичная форма с посессивным *у меня (есть)* существует в русских говорах.

Всякая аналитическая форма может проявлять тенденцию к универбации, то есть, к превращению в синтетическую форму, состоящую из одного элемента. Славянские языки дают в этом отношении чрезвычайно интересный материал, позволяющий проследить основные пути превращения аналитической формы в синтетическую. Движение от аналитической формы к синтетической выражается в следующих явлениях: 1) фиксация порядка элементов аналитической формы; 2) ограничение дистаксии (раздельности) ее компонентов; 3) универбация (или монологсемизация) – замена аналитического многокомпонентного образования одним словом путем слияния компонентов или опущения одного из них.

1. Фиксация порядка компонентов аналитической формы. Порядок компонентов – важный параметр аналитической формы. Его фиксация может рассматриваться как показатель степени стяжения этой формы. Можно отметить три типа порядка компонентов аналитической формы с точки зрения его устойчивости.

а) порядок компонентов всегда твердый; он существует в двух вариантах:

– вспомогательный глагол предшествует причастию. Это наблюдается в романских языках, а также в английском: *J'ai fait; He hecho; I have done*.

– вспомогательный глагол следует за основной частью. Это более редкий случай.

б) порядок компонентов совершенно свободен, его изменение имеет лишь стилистическую значимость. Таково будущее аналитическое в русском языке, где оба элемента могут свободно меняться местами: *Я читать буду* и *Я буду читать*.

в) порядок компонентов может изменяться, но он не вполне свободен, так как зависит от структуры предложения. Например, в немецком языке служебный глагол предшествует причастию в главном предложении, но следует за ним в придаточном.

В славянских языках вспомогательный глагол может занимать обе позиции. Для старославянского языка более характерной была тенденция к его постпозиции, она сохранилась в современном чешском, словацком и некоторых других языках. В некоторых языках преобладает его препозиция. Существуют и определенные синтаксические тенденции, например, если перфект начинает предложение, вспомогательный глагол следует за ее основной частью, но если предложение начинается другое ударное слово, то он предшествует основной части глагола. Эта тенденция была уже в старославянском языке: *Сътворилъ еси*, но: *Что еси сътворилъ?* [Вайан 1952: 228]. Она поддерживается и в некоторых современных языках: словенск. *Vprašal sem ga* "спросил я его", чеш. *Kde jste se vrátil?* "когда вы вернулись?" болг. *Много съм чел* "я много прочел". При отрицании в старославянском возможен не только перенос вспомогательного глагола, но и его объединение с отрицательной частицей: *нѣсть былъ* = *не был*. Аналогичное явление наблюдается и в современном сербскохорватском: *Носил сам* "я нес", но *Нисам носио* "я не носил". Отметим попутно, что выдвигание вспомогательного глагола вперед при отрицании – любопытная типологическая черта во многих языках: Например, в баскском языке вспомогательный глагол твердо следует за основной частью глагола: *Nik ikusi nuen* "я видел", но помещается впереди него при отрицании: *Nik ez nuen ikusi* "я не видел".

Ограничение в свободе размещения компонентов сложной глагольной формы может рассматриваться как первый шаг на пути к конденсации формы.

2. Ограничение делимости (дистаксии). Не всякий элемент предложения может свободно помещаться между компонентами аналитической формы. В каждом языке существуют свои правила, ограничивающие возможности отделения этих компонентов друг от друга. В зависимости от включаемого элемента можно различать три случая:

а) подлежащее; в английском и немецком языках допускается нормативное включение подлежащего внутрь аналитической формы в вопросительном предложении: *Has John read this book?* В испанском языке подобное включение невозможно. Французский занимает промежуточное положение, допуская интеркаляцию служебного субъектного

местоимения (*A-t-il lu ce livre?*) и отвергая включение субъекта–существительного. У некоторых славянских языков имеются также определенные ограничения в этом отношении.

б) прямое дополнение; этот случай не обязательно аналогичен предыдущему. Так, в английском языке прямое дополнение не может заключаться внутри аналитической формы, подобно тому, как это имеет место в испанском или французском, но в немецком языке такая интеркаляция является нормой в определенных позициях (*Peter hat dieses Buch gelesen*). В этом отношении у каждого славянского языка имеются свои особенности, которые еще не изучены точно в сопоставительном плане. Можно отметить, например, что серболужицкий язык, наподобие немецкого, широко допускает включение прямого дополнения внутрь аналитической формы: *Jan je swoje knihi hromadze kladl* "Ян положил свои книги вместе".

в) обстоятельства; возможности их интеркаляции значительно различаются по языкам.

г) клитики; взаиморасположение вспомогательного глагола, безударных местоимений, отрицания определяется в каждом языке своими правилами. Так во французском языке вспомогательный глагол становится ближе к причастию, чем местоимение (*Elle le lui a donné*), тогда как в болгарском – наоборот (*Давала му го е*).

Проблема отделимости компонентов аналитической формы включает еще два аспекта: обособляемость и перенос вспомогательного глагола.

О б о с о б л я е м о с т ь вспомогательного глагола заключается в возможности его изолированного употребления, вне основной части сложной формы. В таком случае он выполняет функцию слова-заместителя, замещающего в речи всю аналитическую глагольную форму. Это явление особенно характерно для ответов, например, в английском: *Have you read this book? Yes, I have*; или в сложном будущем времени русского языка: *Ты будешь читать эту книгу? Да, буду* (= я буду читать). Подобное обособление вспомогательного элемента исключено в литературном французском или испанском языках. Оно не характерно и для славянского перфекта, хотя может иметь место, например, в сербскохорватском: *Jesi li ручао? Јесам* "Ты обедал? Да".

П е р е н о с вспомогательного глагола заключается в том, что он, нередко в сокращенной форме, отделяется от основной части глагола и соединяется с другим словом в предложении, ч а щ е в с е г о с вопросительным словом или отрицательной частицей. Выше приводился пример из сербскохорватского, где вспомогательный глагол сливается с отрицанием. Аналогичное явление наблюдается и в серболужицком. В чешском языке вспомогательный глагол 2-го лица *jsi*, в сокращенной форме *s* может соединяться с возвратной частицей или с вопросительным словом: *Kdy ses (=jsi se) vrátil?* "Когда ты вернулся?"; *Cos (=co jsi) dělal?* "Что ты делал?" Польский язык допускает также слияние вспомогательного элемента, отделяющегося от единой формы перфекта, с союзом: *Gdyśmy spotkali ojca...* (=gdy spotkaliśmy) "Когда мы встретили отца".

Отделимость, обособляемость и перенос вспомогательного элемента препятствует сплочению компонентов аналитической формы, свидетельствуют, что ее универбация отсутствует или является неокончательной (как в приведенном польском примере).

3. У н и в е р б а ц и я. Преобразование аналитической формы, состоящей из двух элементов, в синтетическую может достигаться двумя приемами:

а) слиянием вспомогательного и основного элементов формы. Это наблюдается в польском языке, где вспомогательный глагол в сокращенной форме присоединяется к причастию, сохраняющему свои показатели лица, числа и рода: *czytałem, czytałam* "я читал, я читала". Но это возможно только в 1 и 2 лицах. Сокращение формы вспомогательного глагола, наблюдаемое в польском, чешском, словацком языках, способствует его слиянию с другими компонентами предложения, но только в польском сокращенная форма вспомогательного глагола стала настоящей флексией спряжения, или почти настоящей, поскольку, как мы видели, она может в известных случаях

отделяться от глагола. Форма типа *czytałam*, где от вспомогательного глагола осталось только *-m*, дает наглядный пример путей формирования флексивных форм. Аналогичный перфект отмечается и в юго-западных говорах украинского языка: *ходивем* (< *ходил есмь*), *ходивесь* (< *ходил еси*) [ЯНС 1966: 149].

б) опущением вспомогательного компонента. Славянские языки представляют широкий спектр вариантов этого явления, причем каждый язык занимает определенное место на линии эволюции. Именно в этом случае уместно говорить о конкатенации, когда всякий язык как бы указывает на дальнейший этап в направлении определенного развития.

Можно отметить пять этапов этой эволюции: 1) отсутствие опущения вспомогательного глагола → 2) sporadическое опущение в некоторых формах → 3) систематическое опущение в некоторых синтаксических позициях → 4) отсутствие в определенных формах парадигмы → 5) полное опущение вспомогательного глагола.

Первый этап в славянских языках не наблюдается. Но второй в них представлен. Уже в старославянском языке связка могла опускаться в 3 лице обоих чисел, а также и в 1 лице в ответах-эхо. Возможное опущение, особенно при отрицании, имеет место в болгарском, македонском и серболоужицком.

Третий этап отмечается в сербскохорватском языке, где вспомогательный глагол регулярно опускается в 3 лице возвратной формы глагола: *Он се радовао* "он радовался". Движение становится более интенсивным в западнославянских языках.

Четвертый этап свойствен западнославянским языкам. Если в южнославянских глагол "быть" опускается в 3 лице лишь в некоторых конструкциях, то в польском, чешском, словацком он вообще отсутствует в 3 лице, хотя обязателен в 1-м и 2-м. Это отсутствие вспомогательного глагола объясняют наличием в предложении подлежащего, указывающего на субъект действия. Но можно было бы заметить, что в некоторых языках (например, финноугорских) форма 3 лица представляет собой чистую основу глагола и флексии присоединяются только к первым двум лицам. В указанных славянских языках 3 лицо перфекта есть лишь основа глагольной формы, она изменяется в роде и числе, но в лице — только в первых двух лицах. Западные славянские языки развивают общеславянскую тенденцию: опущение вспомогательного глагола здесь систематично, но частично, поскольку касается только одного лица. Разумеется, имеются и различия: в польском языке в 1-м и 2-м лицах формант, восходящий к глаголу "быть", слился с основной частью глагольной формы, тогда как в чешском и словацком он более обособлен, что отражается в орфографии. В польском языке универбация, следовательно, пошла дальше. Более обязательное употребление вспомогательного глагола в серболоужицком, возможно, объясняется влиянием немецкого.

Пятый, и последний этап реализуется в восточнославянских языках, которые показывают логическое завершение процесса: вспомогательный глагол исчез полностью. Но при этом изменилась и природа формы на *-л*, которая из части глагольной формы превратилась в полную и самостоятельную предикативную форму глагола.

В области образования сложного перфекта славянские языки формируют ряд конкатенации от исходной формы к наиболее удаленной от нее через промежуточные типы, в целом согласно направлению: южнославянские языки (болгарский, македонский → сербскохорватский, словенский) → западнославянские (чешский, словацкий, польский) → восточнославянские (украинский, белорусский, русский). Универбация достигается опущением вспомогательного глагола, в польском языке — его слиянием (в 1 и 2 лицах) с основной частью глагола.

Несмотря на разнообразие внешних форм, перфект в славянских языках представляет, за небольшим исключением, значительную однородность с точки зрения внутренней формы. Повсюду мы видим вспомогательный "быть" и древнее причастие на *-л*. Поэтому и различия могли касаться только внешней структуры формы времени. Иначе обстоит дело в отношении другой аналитической формы — будущего времени.

Будущее время. По сравнению с перфектом аналитическое будущее время в славянских языках представляет большее разнообразие структур и, в частности, выбора вспомогательного глагола, а выбор последнего отражает внутреннюю форму конструкции. В данном случае славянские языки дают многообразие решений, несвойственное германским или романским языкам.

Б.А. Серебренников отмечает семантическое разнообразие глаголов, которые в различных языках, могут превращаться в служебные форманты будущего времени [Серебренников 1974: 197–203]. Однако их можно разделить на две семантические группы: экзистенциальные и проспективные глаголы.

К экзистенциальным относится прежде всего *быть* (русск. *буду читать*) и его динамические семантические дериваты, такие как "становиться" (например, нем. *werden: ich werde lesen*).

Проспективные глаголы указывают на действие, которое должно произойти после другого действия. К ним относятся:

- а) фазовые начинательные глаголы типа "начинать", "приниматься";
- б) глаголы движения. Так сформировано, например, ближайшее будущее во французском языке: *Je vais lire* "я буду читать", букв. "я иду читать". В финском языке, напротив, будущее время формируется с помощью вспомогательного глагола "приходить". В таком употреблении глаголов движения есть своя логика: если некто уходит или приходит сделать что-либо, то речь идет о будущем действии, поскольку цель является категорией плана будущего.

в) модальные глаголы типа "хотеть", "мочь", "долженствовать". Модальность всегда ориентирована на действие в будущем, так как она является условием всякого действия, поскольку выражаемая формами модальности интенция всегда предшествует самому действию. Модальные глаголы широко используются при образовании форм будущего времени в разных языках, таковы, например, английские вспомогательные глаголы *shall* и *will*, французская флексия будущего времени восходящая к *avoir à* "иметь (= "быть должным") сделать что-л." и др.

Основная часть формы аналитического будущего может быть выражена личными или неличными формами глагола. Среди последних наиболее характерными являются инфинитив и причастие. Общие принципы разных типов формирования сложного будущего могут быть представлены следующей схемой:

В славянских языках для выражения будущего времени использовались почти все эти возможности. Разумеется, нелегко отличить описательный оборот, конструкцию от уже устоявшейся грамматической формы, ставшей частью глагольной морфологической парадигмы. Одним из важнейших признаков грамматикализации перифразы, десемантизации ее компонентов является невыводимость значения формы из суммы значения ее компонентов или же невозможность толкования ее в прямом значении.

Например, во французской форме *j'ai fait* глагол в настоящем времени (*j'ai*) и пассивное причастие (*fait*) выражают в совокупности активное действие в прошедшем времени. Это значение прямо не выводится из суммы значений компонентов. С другой стороны, в отношении славянского будущего времени невозможность прямого толкования значения формы свидетельствует о грамматикализации. Таковы, например, употребления старославянского глагола "хотети", который активно участвовал в

формировании аналитического будущего. Примеры, приводимые А.М. Селищевым [Селищев 1952: 176], наглядно показывают, как происходил процесс переосмысления "хотеть" при выражении предстоящего действия: *...И до мѣста иде же хотѣаше скончатися* (о человеке, ведомом на казнь) "и к месту пошел, где ему предстояло скончатся" (разумеется, глагол "хотеть" в прямом своем значении противоречит данной ситуации); или: *...Дондеже чрѣва начьнутъ хѣтѣти извалити ся* "пока кишки будут готовы вывалиться" (неодушевленный субъект не может обладать способностью хотеть). Подобные примеры говорят о довольно продвинутой грамматикализации глагола "хотеть" как вспомогательного элемента в конструкциях, выражающих будущее время. И впоследствии в болгарском языке он закрепился в такой функции.

Формы будущего времени в славянских языках не симметричны. В некоторых языках имеется только одна аналитическая форма будущего (русский, чешский, словацкий), в других – две синонимических формы (украинский, польский), в третьих (например, в болгарском) их четыре, из коих некоторые различаются по грамматическому значению (будущее ↔ предбудущее). Рассмотрим основные параметры аналитических структур и происходящие от них синтетические формы.

1). Вспомогательный глагол. В этом аспекте наблюдаются отношения иррадиации: разные формы в разных языках. Большинство языков использует глагол "быть". Модальный глагол "хотеть" используется в сербскохорватском (*хтети*), болгарском (*ще*) и македонском. Глагол "иметь" был приспособлен для образования параллельной синтетической формы в украинском (*читатиму*), в белорусском (*чытацьму*), а также отрицательной формы в болгарском (*няма да ходя*) и македонском.

2). Основная часть глагольной формы. И здесь мы видим большую степень иррадиации, чем в аналитических формах перфекта. Доминирующей формой является инфинитив. Причастие на *-l* употребляется в польском как синоним инфинитива, в словенском, в сербскохорватском и болгарском для выражения предбудущего (болг. *ще съм дал* "я дал раньше"). В основном будущем времени болгарский язык, не имеющий инфинитива, использует личную форму: *ще ходя*.

3). В и д. Аналитическое будущее обычно образуется от глаголов несовершенного вида (в совершенном виде в этом случае используется форма настоящего времени). Только в южнославянских языках и в серболужицком аналитическое будущее образуется от глаголов обоих видов.

4). У н и в е р б а ц и я. В славянских языках она менее развита, чем в аналитическом перфекте (и в романских языках). Тем не менее, она возможна на основе постпозитивных "иметь" и "хотеть". Она появляется в сербскохорватском, где постпозиция вспомогательного глагола вызывает его слияние с инфинитивом: *ja ћу писати* → *писаћу*. Универбация завершилась в украинских и белорусских формах на *-(и)му*. Как и в формах перфекта, постпозиция вспомогательного глагола (энклитики) способствует ее слиянию с основной частью глагольной формы.

Следует отметить, что повсеместно мы сталкиваемся с промежуточными случаями: явление, обязательное в одном языке, является факультативным или затрагивающим лишь ограниченный сектор системы в другом. Форма, единственная в одном языке, выступает как одна из возможных синонимических форм в другом. Структура, которая в одном случае относится к общеупотребительному литературному языку, в другом свойственна лишь каким-либо диалектам. Наиболее однородные формы аналитического будущего, без синонимов и вариантов, обнаруживаются в русском, чешском и словацком языках. Возможна универбация путем употребления вспомогательного глагола в качестве "слова-заместителя": русск. – *Ты будешь играть?* – *Да, буду* (= *да, буду играть*). В нижеследующей таблице резюмируются основные параметры аналитических форм будущего времени и их дериватов в славянских языках (Б – "быть", И – "иметь", Х – "хотеть"; П – причастие на *-l*, ИН – инфинитив, ЛФ – личная форма; НСВ – несовершенный вид, СВ – совершенный вид).

элементы		вспомогат. глагол			основная часть			вид		примеры
языки	формы	Б	И	Х	П	ИН	ЛФ	НСВ	СВ	
русский	—	+				+		+		<i>буду читать</i>
белорусский	1	+				+		+		<i>буду чытаць</i>
	2		+			+		+		<i>чытацьму</i>
украинский	1	+				+		+		<i>буду читати</i>
	2		+			+		+		<i>читатиму</i>
польский	1	+				+		+		<i>będę czytać</i>
	2	+			+			+		<i>będę czytał</i>
чешский		+				+		+		<i>budu psáti</i>
словацкий	—	+				+		+		<i>budem čítať</i>
серболужицкий		+				+		+	+	<i>budu pisać</i>
словенский		+			+			+	+	<i>bom dal</i>
сербскохорватский	1			+		+		+	+	<i>ja ћу писати/писаћу</i>
	2	+			+			+	+	<i>будем писао</i>
	3									<i>био сам писао</i>
болгарский	1			+			+	+	+	<i>ще ходя/писащем</i>
	2		+				+	+	+	<i>няма да ходя</i>
	3	+		+	+		+	+	+	<i>ще съм дал</i>
македонский	1			+			+	+	+	<i>ќе пишам</i>
	2		+				+	+	+	<i>нема да пишам</i>

Общая схема иррадиации может быть представлена так:

Таким образом, если основной тенденцией в развитии аналитических форм перфекта в славянских языках является конкатенация, то есть следование по единому направлению, то тенденция развития аналитических форм будущего времени принимает форму иррадиации, то есть, использование различных видов переноса значений*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Будагов Р.А. 1963 – Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки. М., 1963.
 Бурсье Э. 1952 – Основы романского языкознания. М., 1952.
 Вайан А. 1952 – Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
 Грушин Б.А. 1961 – Очерки логики исторического исследования. М., 1961.
 Мейе А. 1938 – Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.–Л., 1938.
 Серебренников Б.А. 1974 – Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
 Селищев А.М. 1952 – Старославянский язык. М., 1952.
 Шишмарев В. 1941 – Очерки по истории языков Испании. М.–Л., 1941.
 ЯНС 1966 – Языки народов СССР. Т. 1. М., 1966.
 Darmesteter A. s/a – Cours de grammaire historique de la langue française; 3-ème partie. P., s/a.

* Примеры взяты из книги "Славянские языки" (М., 1977) и других пособий по славянским языкам.